

АДАБИЁТ ВА МАДАНИЯТ

ТЕМА «ДЕМОНИЧЕСКОЙ ДИСГАРМОНИИ» В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ Е. ЕВТУШЕНКО: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале стихотворения «В вагоне шаркают и шамкают...»)

Виктория ДВОРЯШИНА

преподаватель

кафедры русского языка и литературы
Узбекский государственный университет

мировых языков

terra-dvs@mail.ru

Аннотация

Мақолада Евгения Евтушенко қаламига мансуб муҳаббат мавзусидаги шеърларнинг услубий ўзига хослиги ўрганилади, “тубсизлик” такрор образининг севги-муҳаббат мавзусидаги назмий талқини аниқланади. Евтушенко ижодида инсон зиддиятлари, аёл ва эркак муносабатларидаги драматик ибтидо ифодаланган асосий ғоя воситасида биографик деталлар трансформацияси қайд этилади.

Аннотация

В статье рассматривается стилистическое своеобразие стихотворения Евгения Евтушенко на любовную тему, определяется роль повторяющегося образа «бездны» в поэтической трактовке любовной темы. Отмечается трансформация деталей биографии в средство выражения центральной идеи творчества Евтушенко о противоречивости человека, драматического начала в отношениях мужчины и женщины.

Abstract

The article deals with the stylistic peculiarities of Yevgeny Yevtushenko's poem on a love topic, defines the role of the recurring image of the "abyss" in the poetic interpretation of a love topic. The transformation of the biography details into a means of expressing the central idea of Yevtushenko's creativity about the contradictoriness of man, the dramatic beginning in the relationship of man and woman.

Калит сўзлар: традиция, драматизм, контраст, метафора, тубсизлик, гунглик.

Ключевые слова: традиция, драматизм, контраст, метафора, бездна, немота.

Keywords: tradition, drama, contrast, metaphor, abyss, dumbness.

Творчество великих поэтов по традиции принято делить на раннее, зрелое и позднее. Протянутые между этими этапами нити центральных тем и образов помогают осознать единство творческого пути неповторимой, выдающейся личности, какой и был недавно ушедший из жизни поэт. Одна из ключевых тем поэзии Е.Евтушенко – любовь, взаимоотношения между мужчиной и женщиной является ответвлением более масштабной темы – взаимоотношений между людьми, между правдой и ложью, чуткостью и

бесчувствием, вниманием и безразличием. При этом, как многократно фиксируют читательские отзывы, в разное время одни и те же шедевры любовной лирики открывают разные свои грани: молодого человека они привлекают своей прямолинейностью и откровенностью, в более зрелом возрасте начинают ценить их философичность и целомудрие смелости. (5)

В решении любовной темы в ранней лирике Е. Евтушенко во многом следует за Н.А. Некрасовым. Это находит свое отражение, в том числе, и в известном стихотворении «В вагоне шаркают и шамкают...» (1960).

Некрасовские традиции в этом стихотворении, как и во многих других шедеврах любовной лирики Е. Евтушенко, проявляются в том, что в нем средствами художественного слова воспроизводятся не столько ситуация встречи любящих людей, разлада в их отношениях, не столько пребывающие в столкновении характеры, сколько судьбы (по преимуществу, судьба героини – музы, друга, любимой, жены). Женщина, с которой жизнь сводит лирического героя, в стихотворениях Е. Евтушенко наделена теми же прекрасными качествами, что и в лирике поэта-классика (горда, щедра, терпелива, решительна), но вместе с тем образ ее неотделим от бытовых психологических деталей, позволяющих «прочитать» незамысловатое прошлое, в котором – расставание, разрыв, возможно, предательство близкого человека, одиночество. Е. Евтушенко, подобно Некрасову, здесь выступает как мастер сюжета (6), хотя возможно преобразование бытовых ситуаций в художественно-публицистические психологические этюды, как, например, в стихотворении «Женщина всегда чуть-чуть как море». При этом некрасовская любовная поэзия (если иметь в виду знаменитый «Панаевский цикл») – поэзия понимания и примирения, лирику же Евтушенко можно назвать поэзией сомнений и прощаний (1; 2; 3). Противостояние (противоположность) мужского и женского начал в ней звучит намного отчетливее (порой выходя на первый план), придавая звучанию произведений дополнительный эмоциональный накал и драматизм.

Стихотворение «В вагоне шаркают и шамкают...» – одно из самых известных произведений Евтушенко о любви. Как и другие его произведения на любовную тему, оно пронизано ощущением драматизма, неизбежного драматического финала в отношениях, без сомнения, близких людей. Однако предрешенное расставание лирического героя с близкой ему женщиной тем более драматично, что оно отчасти объясняется неравенством мужского и женского начал, особенностями мужской и женской самореализации в любви. Сама идея, как известно, сформулирована поэтом в финале стихотворения с привлечением экфрасиса, т.е. описания произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте (в данном случае, фрески Микеланджело «Сотворение Адама», по поводу которой искусствоведы отмечают, что Адам тянется рукой не только к Богу, но и к Еве) как средства наглядной ее иллюстрации («Но помню я картину вещую, // Предпосланную всем векам. // Над все вселенною, над вечностью // Там руки тянутся к рукам...»). Однако художественная ткань этого произведения пронизана и

другими поэтическими знаками, заставляющими прочувствовать полярность соединившихся начал, ведущую к неизбежному расставанию.

Судьба каждого из героев решена в особой стилистической тональности, которые во многом противоположны друг другу: мужская стихия отмечена лексикой сниженно-разговорного стиля, передающей бытовые детали повседневного окружения лирического героя («В вагоне шаркают и шамкают // И просят шумно к шалашу»), сменяющейся образно и эмоционально насыщенной речью, отражающей переживание и преображение реальной жизненной ситуации его поэтическим «я» – человеком «с тетрадой зеленою» («Еще мои воспринимания Меня, как струи, обдают, // Еще мои воспоминания, как в церкви девочки, поют»). Женское же начало предстает в ореоле слов с высокой стилистической окраской («Я вспоминаю вечерение // Еще сегодняшнего дня // И медленное воцарение // Дыханья около меня»), продолженной нейтральной лексикой, включенной в близкие к оксюморонным сочетания, отражающие сложный эмоциональный мир героини («пришла разумно и отчаянно»; «непосильно весела...»). При этом окончательной разгадки причин ее сближения с лирическим героем в стихотворении нет: герой ее не знает, а лишь чувствует в решимости героини стремление заглушить какую-то боль. Поэтому практически все детали психологического плана сопровождаются здесь словами, передающими значение неопределенности («от *какой-то* общей равности», «улыбаясь *как-то* сломанно и плача *где-то* в глубине»). Сама ситуация «общей равности», которую можно рассматривать как в общественном, так и в индивидуально-биографическом контексте (1960 год, которым датировано стихотворение, стал временем окончательного разрыва поэта с поэтессой Беллой Ахмадулиной) разрушается всем дальнейшим ходом взаимоотношений героя и героини.

Контраст мужского и женского, их различие и трудность в понимании подчеркивают обозначенные в тексте стихотворения векторы движения, характеризующие лирического героя и близкую ему женщину. Их отношения метафорически определяются поэтом как «стремление к несуществующему дну», само же понятие «несуществующего дна» (бездны) в тексте является негативно окрашенным, хотя этого дна для лирического героя **объективно** не существует! («Я уезжаю от бездонности, / Как будто есть чему-то дно»). В двух парадоксальных, на первый взгляд, строчках выражена неоднократно отмеченная исследователями и критиками ведущая черта личности автора, движущая его творческими и жизненными поисками: «В стихах о любви, как и во всем творчестве Евтушенко, живут два состояния: жажда цельности и невозможность ее достижения» (3).

Другой контекст, в котором в стихотворении употребляется концептуальная метафора дна, также окрашен негативно («И, вытянутые над *бездной*, / Где та же, та же немота / Не смогут руки наши бедные / Соединиться никогда»). Отметим, что образ бездны в лирике Е. Евтушенко, несомненно, концептуально насыщен. Он указывает на ситуацию сближения мужчины и женщины, людей вообще, а не только подводит итог несложившейся любви.

Но в более поздних стихотворениях поэта на любовную тему символический образ бездны может утрачивать отрицательное качество, как, например, в стихотворении, посвященной четвертой жене поэта, Марии Владимировне Новиковой: «А ты не испугалась, поняла, // и мы, как в пропасть, прыгнули друг в друга, // но, распростерши белые крыла, // нас пропасть на тумане подняла». И при этом образ бездны у Е.Евтушенко в целом связан именно с женщиной, подчеркивая эмоциональность, присущую женскому началу: «Ходят волны где-нибудь в каморке, // Спрятанные в худенькую грудь. // Это волны чувств или предчувствий. // Будто бы над бездной роковой, // Завитки причесочки причудной // Чайками кричат над головой» («Женщина всегда чуть-чуть как море...»).

Словно компенсируя невозможность обрести в напряженном любовном чувстве дно под ногами (возможно, именно так следует прочитывать эту метафору в контексте рассматриваемого стихотворения), лирический герой, представляющий в стихотворении Е.Евтушенко мужское «я», выбирает вектор движения «от» («я уезжаю от бездонности»; «я уезжаю от бездомности»), причем последнее (движение от бездомности) нельзя рассматривать как возвращение домой, которое, по традиции, с эмоциональной точки зрения всегда окрашено положительно. Очевидно, автор наделил своего лирического героя типическим признаком мужского начала, фрустрационного мужского переживания состояния покоя. Ср. у современного автора: «Всем хочется куда-нибудь ездить, самоутверждаться, самореализовываться, проживать жизнь с толком, оставлять след на земле. ... Мужчины – до старости дети. Жизнь они придумывают себе, как сценарий приключенческого кино» (4, с. 379–380). Хотя отмеченная деталь может носить и автобиографический характер: 1960 год отмечен первыми и чрезвычайно многочисленными поездками за рубеж (США, Франция, Англия, Испания, Дания, Болгария, Того, Либерия, Гана).

Женское начало характеризуется выбором совсем иного направления. Во-первых, героиня сама делает шаг к сближению, стремясь побороть свое одиночество («Пришла ко мне ты не от радости...»). Во-вторых, даже уподобляясь мужскому началу в своем движении после разрыва («А ты в другом каком-то поезде / В другие движешься края...»), героиня в этом «другом» поезде (традиционная метафора беспокойной, неустроенной жизни) все же движется к известной ей конечной цели – «в другие края», в то время как о цели лирического героя ничего не известно.

Итак, лирический герой и героиня этого стихотворения представляют противоположные начала, возможно, в их высшем выражении. Но тем большую эмоциональную напряженность приобретает каждая поэтическая строка этого произведения, что оба его героя, представляющие эти абсолютно противоположных начала, внутренне схожи. По сложности переживаемых эмоциональных состояний герой не уступает воплощающей женское начало героине. Эту идею Евтушенко выражает в традиционной для его творчества форме – форме парадокса. Для героини это парадокс временного плана, который еще раз подчеркивает специфику женского мировосприятия через

специфику выбора направления (вектора) движения «За дверь прошлое оставила / И снова в прошлое вошла»), для героя – парадокс, предопределенный его характером, сущностью, поэтическим даром, а значит, судьбой («Я уезжаю от бездомности, / Хотя мне это суждено»). Парадоксально, но неизбежно, что даже полное совпадение в характеристике («Прости меня, такая поздняя, / За то, что тоже поздний я») не может удержать героев от расставания, так же, как раньше известные каждому арифметические законы («минус умножить на минус дает плюс») не смогли привести в гармонию человеческие взаимоотношения («Как дети, мы из двух нерадостей / Хотели радость, хоть одну»).

Конечно, такого пристального внимания к несходству женского и мужского начал нет у Некрасова. Но строки одного из его стихотворений заставляют обратить внимание еще на одну особенность в поэтическом осмыслении и представлении темы любви в лирике Е. Евтушенко. «Говори же, когда ты сердита, / Все, что душу волнует и мучит. / Будем, друг мой, сердиться открыто: / Легче жизнь – и скорее наскучит». Как известно, такие строки адресовал любимой, А.Я. Панаевой, Н.А. Некрасов. По сравнению с ним лирический герой любовной лирики Е.Евтушенко демонстрирует явное недоверие к человеческому слову (правда, к слову в бытовой – не поэтической – сфере его функционирования), что находит свое отражение также и в других произведениях на любовную тему. Ср.: «Среди любовью слывшего / Сплетенья рук и бед / Ты от меня не слышала, / Любима или нет. Не спрашивай об истине. / Пусть буду я в долгу – / Я не могу быть искренним, / И лгать я не могу». Как следует из фрагмента, нежелание говорить обусловлено у лирического героя Е. Евтушенко также и сложностью испытываемых чувств и сложностью вопроса, на который предстоит ответить. Но и в процитированном стихотворении, в котором назревающая любовная драма не имеет выхода к философским обобщениям, разговор героев о главном – это разговор без слов («Но не гляди тоскующе ...»).

В анализируемом стихотворении вся драма встречи и разлуки героев – тоже является разговором без слов, а сближение их обусловлено, в том числе, «страшной общей немотой», причем само понятие «немоты» не имеет в контексте произведения отнесенности к мужскому либо женскому началу. Аллегорическое представление вечной драмы обреченности на разлуку, вечных исканий и неудовлетворенности (описание фрески Микеланджело) также передает напряженность этого разговора без слов в парадоксальном «и пальцев кончики кричат».

И в этом знаменитом финале еще раз возникает слово-мотив «немота», но уже в конкретном лексическом окружении (вселенная – вечность – бездна), невероятно усиливая драматизм ситуации расставания и его переживания, поскольку влечет за собой представление о космическом одиночестве человека («Над все вселенною, над вечностью / Там руки тянутся к рукам... И вытянутые над бездною, / Где та же, та же немота / Не смогут руки наши бедные / Соединиться никогда»). Этому способствует и выражение «зазор какой-то чутошный», в котором просторечное определение, внося явный

диссонанс в стилистику финала, где преобладает нейтральная лексика с вкраплениями книжных слов, по принципу паронимической аттракции вызывает ассоциации с рядом схожих по звучанию лексических единиц (чушь, шутка, шуточный), выражая идею о слабости человека и о жестокой иронии, не позволяющей ему обрести счастье и гармонию понимания (взаимопонимания). Так в стихотворении Евтушенко бытовая психологическая ситуация перерастает в драму космического одиночества.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова А.Г. Особенности воплощения темы любви в поздней лирике Евгения Евтушенко // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2016. – №4 (59). – С.38–43.
2. Кравцова О.В. Социоантропологическая доминанта лирики Е.Евтушенко 1950 – 1990 гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
3. Сидоров Е. Голосом времени (Заметки о поэзии Евгения Евтушенко) [Электронный ресурс]. URL: http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redirect=eJzLKkpsNLXTzRJyy_KTSzRKyrVL0hJi0_LzEktjk_KzNc3sTQxMzIzNtQDCjMwGJpYmlkaGZmYGDBM1uJbKh1-NW5FSkPIG7H_6gCQTRiF (дата обращения: 17.05.2017)
4. Стогофф Илья. Тринадцать месяцев. – СПб.: Амфора, 2008.
5. Тамбовские литераторы и филологи о Евгении Евтушенко [Электронный ресурс]. URL: https://tmb.news/exclusive/intervyu/tambovskie_literatory_i_filologi_o_evgenii EVTUSHENKO/ (дата обращения: 11.04.2017)
6. Фаликов И. З. Евтушенко: Love story [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/11500866/?page=1> (дата обращения: 11.04.2017)